

О. Ф. Русакова¹**ДИСКУРС SOFT POWER КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

В условиях глобальной маркетизации и медиатизации общественной жизни дискурс soft power, или «мягкой силы», выступает в качестве ведущего инструмента властных коммуникаций, осуществляемых социальным и правовым государством как внутри страны, так и за ее пределами.

В целях укрепления властных позиций и умножения ресурсов социального управления современные государственные институты используют стратегию сочетания административных и иных жестких форм отправления власти с «мягкой» силой, которая заложена в коммуникативных практиках PR, масс-медийных технологиях, политическом маркетинге и брендинге, а также в развлекательном дискурсе массовой культуры и шоу-политики. «Развлекай и властвуй!» — вот один из ключевых девизов политического дискурса общества массового потребления.

Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает властным политическим структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что soft power обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия, опираясь на техники соблазна и гуманитарные ценности, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации власти: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность политическому бренду.

Дискурс soft power как властный ресурс активно включен в систему современных международных коммуникаций, в программы строительства межгосударственных союзов и политических блоков.

Впервые в качестве специальной категории, обозначающей особого рода внешнеполитический властный ресурс, понятие soft power стало применяться в работах американского политолога, специалиста в области международных отношений Джозефа Ная². Суть «мягкой» силы он разъясняет путем сравнения ее с традиционными «жесткими» способами внешнеполитического воздействия. Под «жесткой» силой исследователь подразумевает использование во внешней политике таких властных средств, как вооруженное насилие, военное вмешательство, экономическое давление, подкуп. Главным методом данного вида воздействия является метод «кнута и пряника».

В противоположность «жесткому» способу влияния «мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек.

¹ Заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор политических наук, профессор.

² Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

«Мягкое» могущество подразумевает использование в качестве ресурсов властного влияния привлекательные политические имиджи и культурные ценности, транслируемые средствами массовой информации. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своими политическими идеалами, программами, достижениями культуры.

Привлекательность государства, согласно политике soft power, во многом зависит от того, насколько являются всеобъемлющими и перспективными его цели для всех участников коммуникации, насколько совпадают их ценностные ориентации. Политика, по словам Ная, с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими. В качестве примера внешней политики в духе soft power Най приводит план Маршалла, в результате реализации которого «европейцы с радостью приняли американское лидерство»³.

Согласно Наю, soft power — это система мощных властных ресурсов, которая помогает США на протяжении многих лет осуществлять мягкую гегемонию на международной арене. По его мнению, одной из причин, почему советская система власти в СССР потерпела поражение, стала недооценка советской политической элитой важной роли механизмов soft power во внешнеполитической конкуренции.

Одним из элементов мягкой американской гегемонии Най считает массивную коммерческую рекламу вещественных символов Америки, с которыми в годы холодной войны ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, — отмечает Най, — молодежь в самых разных европейских странах, — и к западу, и к востоку от “железного занавеса” — открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственное “Я”»⁴.

Другим проверенным инструментом мягкой гегемонии Соединенных Штатов выступает американская поп-культура. Адаптация к ней европейцев после Второй мировой войны способствовала легкому и жизнерадостному усвоению идей и принципов либерализма, впрыснула молодую энергию в «высокую» культуру послевоенной Европы. В итоге, отмечает Най, именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей — демократической реконструкции Европы и создании НАТО. Массовая культура оказала США огромную услугу в поддержании экономического и военного лидерства.

Сегодня у американской внешнеполитической «мягкой» силы есть серьезные конкуренты на меж-

³ Най Дж. Указ. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

дународной арене. Основным конкурентом выступает Европейский Союз, который впечатляет своими «мягкими» ресурсами. К ним, в частности, относятся: европейское законодательство, регулирующее миграцию; большие объемы гуманитарной помощи развивающимся странам; эффективный контроль за продажей оружия; контроль за изменением климата; запрещение смертной казни; соблюдение прав человека. Кроме того, в Европе мощнее, чем в США, система социального обеспечения, деятельность профсоюзов, а рыночные отношения более регламентированы.

С позиции оригинальной теории текучей современности проводит анализ дискурса *soft power* известный исследователь Зигмунд Бауман. Он противопоставляет современной эпохе легкой, текучей современности эпоху *hard wake*, или тяжелой современности. Ментальной проекцией тяжелой современности, согласно Бауману, выступает фордистская модель мира, основанная на принципе жесткой иерархии управленческих функций как в сфере производства, так и в сфере построения государственной власти. Фордизм, отмечает Бауман, был самосознанием современного общества в его «тяжелой», «громоздкой» или «неподвижной» и «укоренившейся», «твердой» фазе. Это был мир авторитетов, лидеров, законодателей, разработчиков режима и контролеров, знающих все лучше остальных. На смену фордизма приходит легкий постфордистский мир, полный бесконечных возможностей потребительского выбора. Данный мир «похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки смогли надеяться попробовать каждое»¹. Дружественный потребителю легкий мир не отменяет существование авторитетов, а до бесконечности умножает их количество. В результате этого ни один из авторитетов не в состоянии оставаться им на протяжении долгого времени.

В постфордистском мире непрерывных маркетинговых новаций и информационных изменений само ценностно-нормативное содержание объектов потребительского, политического и культурного же-

лания постоянно изменяется под давлением моды и общественного мнения. Мир прочных объектов и авторитетов сменяет мир одноразовых товаров, разработанных для немедленного устаревания, и преходящих политических фигур. Идентичность приобретает черты гибкости, хрупкости, непрочности, нестабильности, но вместе с тем, воплощаясь в множественном разнообразии потребительских соблазнов, выступает в виде непрерывного серийного потока.

Бауман обращает также внимание на такую черту текучей современности, как смена инструментов властвования. Если в фордистском мире одним из главных способов осуществления властных функций была дисциплина, основанная на жестком подчинении стоящей над всеми властной инстанции (данная инстанция обычно описывалась посредством таких метафор, как *паноптикум* и *старший брат*), то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается рассредоточенной и сконцентрированной в значительной степени в руках СМИ. В текучем мире именно СМИ оказываются для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в быстроменяющихся модных тенденциях и способах идентификации. Экранные зрелища взяли на себя властную функцию дисциплинарного форматирования общественного сознания, став одним из воплощений сил *soft power*. «Зрелища, — отмечает Бауман, — пришли на место надзора, не утратив дисциплинирующей власти своего предшественника. Подчинение стандартам (позвольте добавить, пластично и изящно адаптируемое подчинение гибким стандартам) теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения и проявляется в личине осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы»².

Общий вывод таков: в условиях текучей современности успешное отправление государственной власти предполагает эффективное применение разнообразных инструментов *soft power*, что возможно в случае коммуникативной гибкости, чувствительности к быстроменяющимся запросам общества, оперативной информационно-культурной отзывчивости всех государственных структур.

¹ Бауман З. Текучая современность : пер. с англ. / под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008. С. 70.

² Там же. С. 94.